

Соседи получали письма и читали их вслух. К старшине приходила жена, а Власову никто не писал, и ему было так скучно, что он даже удивлялся, что может быть на свете такая скука. Прежде он никогда не скучал. Он был весёлый и хорошо играл на баяне. В отряде морской пехоты были грузины, и он играл им «Сулико» и «Мравалджамиер» — есть такая чудная застольная песня. Рядом стояли армейцы-казахи; подобрав на баяне их протяжное пение, он играл и им, и они сидели, скрестив ноги и покачиваясь, а потом хлопали Власова по плечу и звали в гости, в далёкие казахские степи.

И ранен он был из-за своего баяна. Осколком мины разбило баян; не помня себя, Власов вышел из блиндажа и, не прячась, пошёл на немцев. Он убил троих и гранатами разнёс миномёт, но сам был тяжело ранен. Его увезли в тыл, война осталась далеко позади, и уже не было с ним его баяна. А какой великолепный был баян!

Теперь он лежал в госпитале и тосковал. С койки был виден краешек неба — хмурого, серого, не то что на Дону, где он родился и вырос. Его ранили весной, а теперь была осень, и галки по ночам кричали в саду. Он пожаловался

доктору, что они не дают ему спать, и доктор удивился — никто в палате, кроме Власова, галок не слышал. Где-то близко — за самой стеной — качались и скрипели деревья, и ему казалось, что мокрые листья падают на него — падают и падают без конца и краю.

И всё это была скука, которая томила его. С каждым днём ему становилось всё хуже. Бледный, с заострившимся носом, он лежал, отвернувшись к стене, и ему было всё равно, о чём говорят, волнуются, спорят соседи.

Больше всего он тосковал, когда приходили письма. Конечно, он был сиротой, у него не было ни отца, ни матери, он вырос в детдоме. Из детдома его взяли бездетные старики, и он жил у них в пригороде, возле Ростова. Где они теперь, живы ли — кто знает? Жива ли подруга, с которой он гулял до войны, когда работал на Хрустальном заводе? Она-то уж, верно, написала бы ему, зная, что он так ранен и лежит один в чужом городе и что ему становится всё хуже с каждым днём, с каждым часом. Молчит подруга! Молчат товарищи, которым он играл на своём баяне, — может быть, уже давно полегли за Родину в холодных волнах Баренцева моря. Все молчат, все забыли о нём. Он умрёт, и никто на всей русской земле не вспомнит его и не пожалеет. И не будет для него той красоты, о которой он мечтал, когда сражался и ходил в разведку на отчаянные дела, и трудился на войне, и был дважды занесён пургой, и дважды замерзал до самого сердца. Для него не будет красоты и счастья Победы!

И вдруг он получил письмо. Это был обыкновенный лист бумаги, сложенный треугольником, и на обороте, как полагается, полный адрес с именем, отчеством и фамилией. «Мне захотелось написать тебе, милый Федя, — так начиналось это письмо, — хотя ты, без сомнений, давно забыл обо мне, поскольку мы в жизни встретились только однажды. Но, узнав, что ты ранен, я надеюсь, что ты не слишком строго осудишь меня за это письмо. Мне известно, что ты храбро сражался на Крайнем Севере и оправдал свой долг моряка-комсомольца. Не хвастая, скажу, что и у меня в жизни было многое, причём в трудные минуты я, как ни странно, вспоминала тебя». Потом было написано: «Не всё ли равно, кто я?» И ещё: «Считай, что просто незнакомка», — а

кончалось письмо на полуживо: «Во всяком случае, знай, что о тебе думаю и даже чаще, чем...» И дальше уже подпись шла, которую он никак не мог разобрать. Адрес тоже не был указан. Но зато к письму были приложены две пачки «Дели» и в пакетике несколько шоколадных конфет.

Он читал письмо целый день. Он перебрал всех знакомых девушек и прежде всего, понятно, вспомнил о той, с которой он гулял до войны. Но это была не она, хотя бы потому, что с ней он встречался не однажды.

Старшина, сосед по койке, спросил его, от кого письмо. И Власов промолчал.

— Так, ничего, — сказал он погодя. — Ошибка.

Но это была не ошибка. Прошло несколько дней, и он получил второе письмо. «Мне известно всё от одной подруги, которая видит тебя каждый день, — писала незнакомка. — И она сказала мне, что от тебя самого зависит твоё здоровье». Дальше шли советы, большей частью медицинского свойства, а потом стихи, очень хорошие, об одной девушке, которая ждёт бойца, пропавшего без вести.

Это было поразительно. Но кто же видит его каждый день? В тридцатой палате дежурили две сестры — Мария Пантелеймоновна и Луша. И ещё сиделки, которые часто менялись. Мария Пантелеймоновна была рыжая, длинная, в очках, немного похожая на швабру палкой вниз, особенно когда она ругала кого-нибудь после обхода. Трудно представить себе, что у неё есть подруга, которая пишет такие письма. Луша была, наоборот, маленькая, толстая, смешливая, и недаром старшина называл сестёр Патом и Паташоном. Целый день Луша носилась по госпиталю в развевающемся халате, и то здесь, то там слышались её топот и хохот. Она заменяла кого-то в канцелярии, помогала политуру, возилась с тимуровцами. Уж она-то, разумеется, видела Власова каждый день и могла сказать, что, по мнению врачей, от него самого зависит его здоровье.

Но Власову было бы даже немного жаль, если бы этой подругой оказалась Луша. Письма были таинственные, необыкновенные, а Луша — просто Луша.

И он решил до поры до времени ничего не говорить ни Марии Пантелеймоновне, ни Луше. С волнением, с

душевной тревогой он стал ожидать новых писем. Он послушался насчёт своего здоровья. Прежде он мало ел, всё казалось ему невкусным, хотя в госпитале кормили отлично. А теперь стал понемногу есть. Он засыпал только под утро. А теперь с вечера постарался уснуть — и ничего, получилось. Теперь ему стало интересно, что пишут другим бойцам. Он слушал, сравнивал. Куда им! Это всё были простые, обыкновенные письма — о том, какой уродился хлеб, да справились ли с уборкой, да о том, что у соседей отелилась корова.

Но вот пришло третье письмо — и он не поверил глазам! Как по книге, эта девушка-незнакомка прочитала всё, что творилось в его душе. О чём он мечтал и что казалось ему потерянным навсегда, невозвратно. «Не думайте, Федя, — писала она, — что даром пройдёт и забудется всё, что вы испытали. Гоните прочь эту горькую мысль. Настанет время, когда вас назовут на весь мир — вот он, Федя Власов, моряк-комсомолец, который пролил свою кровь за счастье Отчизны. Все будут восхищаться тобой, как бойцом и человеком. Гордый, во весь рост, отдавая честь, ты будешь стоять на своём боевом корабле и цветными флажками передавать на берег одно слово — „Победа“».

Насчёт флажка было немного напутано, и нельзя было, понятно, одновременно отдавать честь и сигналить. Но это не имело никакого значения. Всё ещё впереди — вот что она хотела сказать! Нужно жить, потому что всё впереди. Нужно сделать всё, чтобы снова стоять на боевом корабле в этот торжественный час. И нужно не отступить перед тоской, перед смертью, о которой кричат по ночам галки в саду, нужно не отступить, как он не отступал на фронте.

Точно что-то перевернулось в его душе, когда он прочитал это письмо. Но кто же написал его? И страшно, и весело было ему думать об этом. То ему мерещилась тоненькая аккуратная девушка, большеглазая, с книгой в руках, в чёрном шёлковом платье. То совсем другая — высокая, смелая, с косами вокруг головы, вроде той, которая играет главную роль в картине «Юность Максима».

Давно уже он забыл и думать о своей бессоннице. Он превосходно ел, и доктор, который прежде всё хмурился, осматривая его, был теперь совершенно доволен.

— Чёрт его знает, — сказал он как-то, смеясь. — Ведь ты же умирал, Власов. В чём дело, а? Загадка природы?

И это действительно была загадка природы.

Но вдруг перестали приходить эти чудные письма. Прошла неделя, другая, он всё ждал. Прихрамывая, он печально бродил по палате и всё думал: что же случилось? Он перечитал старые письма и написал ответ: «Я не знаю вашего имени, отчества, дорогая незнакомка, но хотел бы узнать, чтобы лично выразить своё восхищение». Но кому же отдать ответ? Уж, конечно, не Марии Пантелеймоновне, которая всё сердилась. Луше? Но вместе с письмами пропала и Луша. Он уже всё обдумал, и ему было ясно, что именно Луша и есть та подруга, через которую незнакомка посылала ему свои письма. А может быть, и не Луша. Он спросил у одной сиделки, где она, почему не приходит, и сиделка сказала, что Луша больна. Она сильно захворала воспалением лёгких, к ней даже ездил главный врач, и боялись, что она умрёт, но опасность миновала.

Все спрашивали о Луше, не только Власов, — в госпитале стало скучно без Луши, без её топота и хохота, без её разговора о том и о сём, от которого почему-то становилось легче на сердце.

Была уже зима. Власов поправился, и его назначили на комиссию, когда Луша явилась, побледневшая и похудевшая, но, кажется, ещё более весёлая, чем прежде. Ей даже было к лучшему, что она так похудела. Она подстриглась, глаза стали больше, и она как будто даже выросла, что было вполне возможно. Несколько раз она пролетала мимо Власова в своём развевающемся халате, и он всё не решался отдать ей свой ответ. И вдруг решился.

Это было на площадке, куда ребята выходили курить. Он просто схватил её за рукав и сунул свой ответ в карман её халата.

— Что ты, Власов? — спросила она с удивлением.

Он промолчал, только покраснел. Тогда она стала читать, засмеялась и тоже покраснела. Они немного постояли, оба красные, не говоря ни слова, а потом она убежала.

Всё утро Власов лежал на койке и думал. Он попросил у старшины зеркало и сделал пробор, хотя волосы ещё не

отросли, и пробор вышел чуть заметный. Вдруг он увидел свои ноги в кальсонах и спустившихся белых чулках, и ему захотелось одеться. Он выпросил у сестры-хозяйки штаны и гимнастёрку под предлогом, что отправляется в город, и вообще принарядился как мог. Было неясно, что именно должно произойти, но он всё-таки принарядился. А вдруг Луша сегодня передаст ей его ответ и она придёт, тоненькая, аккуратная, с книгой в руках, или высокая, с косами вокруг головы, вроде той, что играет главную роль в картине «Юность Максима»?

К вечеру он не выдержал и пошёл разыскивать Лушу. В это время она всегда бывала в процедурной. Очень тихо он открыл дверь и увидел её — она сидела за столом и что-то писала. Она не обернулась, наверно, подумала, что кто-нибудь из персонала, — и, неслышно ступая, он сзади подошёл к ней и стал читать, что она пишет.

«Забудь обо мне, милый Федя, — писала она, — считай, что это была только мечта, потому что сегодня я уезжаю. Ты никогда не увидишь меня, скажу только, что я бесконечно рада, что ты поправился и что ты, надеюсь, может быть, не забудешь ту, которая от всей души желает тебе победы и счастья».

Луша немного всхлипнула, когда написала эти слова, и он стоял и думал так быстро, как только мог, чтобы поскорее понять, что случилось.

— Так это ты, Лушенька? — спросил он негромко.

Она вскочила и разорвала письмо.

Через неделю Власов пошёл на комиссию, и доктора, осматривая его, снова сказали, что он является чудом и загадкой природы. Загадка была простая, но он, понятно, не стал её объяснять. Возможно, что для подобного лечения в медицине ещё не было места.

Его направили в команду выздоравливающих, а оттуда он должен был поехать в свою часть, и у него оказался свободный день, который он провёл с Лушей. Они гуляли в парке, были в кино, и он рассказывал ей, что незнакомка представлялась ему похожей на ту девушку, которая играет главную роль в картине «Юность Максима». Теперь это было просто смешно, потому что он ясно видел, что никто на свете, кроме Луши, не мог написать эти чудные письма.